

А. А. Гиппиус^{ab}

ORCID: 0000-0001-7797-9446

✉ agippius@mail.ru^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)^b Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

ШЕШТНИКИ: К ЗНАЧЕНИЮ И ПРОИСХОЖДЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ТЕРМИНА

Аннотация. Социальный термин *шестникъ*, известный из новгородско-псковских источников XIII–XVI вв., несмотря на неоднократные попытки его интерпретации, до сих пор не получил убедительного истолкования ни с точки зрения своего содержания, ни в плане этимологии. В статье показано, что распространенное понимание этого термина как обозначения разного рода пришлых людей, связанного со словами *шествие* и *шествовать*, не отвечает содержанию контекстов, в которых выступает слово, и несостоятельно лингвистически. Исторически неприемлемой признается и новейшая трактовка термина как обозначения представителей кочевого населения финно-угорского происхождения. Проведенный анализ показал, что слово употребляется в двух значениях, узком и широком. Шестники — это, во-первых, княжеские вооруженные люди, выполняющие не только военные, но и административные функции; во-вторых, так могли называться в Новгороде и Пскове любые выходцы из Москвы, Твери и вообще Низовских земель. Предполагаемое перенесение обозначения воинского контингента на этническую группу находит параллель в истории слова *Русь*. Предложено также гипотетическое объяснение происхождения термина, связывающее его с числительным *шесть* и трактующее как параллель к термину *осьмникъ*, исходно называвшему предводителя воинского подразделения из восьми человек.

Ключевые слова: Древняя Русь, Новгород, социальная терминология, военная организация, древнерусская дружина, шестники

Для цитирования: Гиппиус А. А. Шестники: к значению и происхождению социального термина // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 67–81. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-67-81>.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2021 г.
Принято к печати 11 апреля 2021 г.

A. A. Gippius ^{ab}

ORCID: 0000-0001-7797-9446

✉ agippius@mail.ru

^a National Research University
Higher School of Economics (Russia, Moscow)^b The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Russia, Moscow)

SHESTNIKI: ON THE MEANING AND ORIGIN OF THE SOCIAL TERM

Abstract. The social term *shestnik*, known from Novgorod-Pskov sources of the 13th–16th centuries, despite repeated attempts to interpret it, has not yet received a convincing explanation either in terms of its content or in terms of etymology. The article shows that the widespread understanding of this term as a designation of various kinds of newcomers, connected to *shestvie* and *shestvovati*, is untenable linguistically and cannot account for the whole relevant data. The newest interpretation of the term as designating members of the nomadic population of Finno-Ugric origin is also rejected as historically unacceptable. The analysis carried out by the author showed that the word is used in two meanings, narrow and wide. *Shestniki* are, firstly, the prince's armed men who perform not only military, but also administrative functions; secondly, in Novgorod and Pskov, any newcomers from Moscow, Tver and, in general, the “lower lands” (*Nizovskie zemli*) of the Rostov-Suzdal region could be called so. The supposed transfer of the designation of a military contingent to an ethnic group finds a parallel in the history of the word *Rus'*. A hypothetical explanation of the origin of the term is also proposed, linking it with the numeral ‘six’ and interpreting it as a parallel to the term *os'mnik*, which originally denoted the leader of a military unit of eight people.

Keywords: Early Rus', Veliky Novgorod, social terminology, military organization, princely retinue, *shestniki*

To cite this article: Gippius, A. A. (2021). *Shestniki: On the meaning and origin of the social term*. *Shagi / Steps*, 7(3), 67–81. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-67-81>.

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-908).

Received February 10, 2021

Accepted April 14, 2021

Этот социальный термин, хорошо известный из новгородских и псковских источников XIII–XVI вв. — летописей, актов, писцовых книг и др., — загадочен как с исторической точки зрения, так и в плане этимологии. Его толкование вызвало затруднения уже у классиков отечественной лексикографии. И. И. Срезневский [1893–1903 (3): 1605–1606] указывает для данного слова три контекстно обусловленных значения: ‘пеший воин’, ‘слуга княжеский’, ‘хожалый (?)’, а в двух случаях вовсе отказывается от перевода. У В. И. Даля [1882 (4): 630] слово встречается дважды, оба раза с пометой *стар.*: в статье «Шествовать», со значением ‘пришлец’, и в статье «Шесть» (с оговоркой «от *шествовать?*»), где указаны другие значения: ‘служитель на княжем дворе; недельщик; дневальный, рассыльный, хожалый’, а также ‘пешеход, путник, ходок’. В исторической литературе значение термина также определялось по-разному: ‘лицо низшей судебной/княжеской администрации’ [ППП (2): 215; Кочин 1937: 397], ‘боярский вооруженный слуга’ [НГБ (4): 46], ‘крестьянин-издольщик, работающий из шестого снопа’ [Черепнин 1969: 233].

Попытку преодолеть этот разнобой в толкованиях предпринял В. Л. Янин [НГБ (8): 232–233]. Проанализировав все известные упоминания шестников, он пришел к выводу, что таким образом обозначаются разного рода пришлые люди: княжеские дружинники (в летописных контекстах), неместные истцы (в Новгородской судной грамоте), новоприбылые крестьяне (в писцовых книгах и берестяной грамоте № 161) и т. д. Иначе говоря, значение ‘пришлец’, указанное у Даля среди прочих, В. Л. Янин считает для данной лексемы основным. Основываясь, видимо, на объяснении Янина, трактует шестников как «иноземцев» автор диссертации, посвященной истории новгородского войска [Быков 2006: 37, 44].

Поиск значения, равно подходящего ко всем контекстам, в которых упоминаются шестники, продолжил Е. А. Хелимский [1998]. Отметив, что перевод ‘пришлый человек’ «имплицитно основан на предположении о словообразовательной и семантической связи слова *шестник* с *шествовати*, *шествие*», он предложил трактовать слово совершенно иначе. Согласно Хелимскому, шестники — это ‘кочевники’. Такой перевод «исходит из предположения о том, что слово *шестник* образовано от *шест* как обозначения основного конструкционного элемента кочевого жилища (ср. *шестовой чум*); перевозимые в санях шесты представляют собой одну из характерных примет кочевых обозов на Севере. Ср. также *шест* стар. ‘тягло, дым, очаг, двор, семья’ (Даль). Таким образом, *шестник* оказывается близким или даже точным словообразовательным аналогом слова *вежник*, которое было ранее идентифицировано в текстах берестяных грамот в значении ‘кочевник’ (Янин, Зализняк 1993, с. 55, 326; см. также Зализняк 1995, с. 271) и которое образовано от *вежа* (~ *вѣжа*) ‘кочевое жилище, чум’» [Там же: 566].

К сожалению, эта изящная гипотеза, выдвинутая выдающимся финно-угроведом и сочувственно воспринятая в лингвистической литературе [Зализняк 2004: 669; Шилов 2010: 34; Васильев 2012: 384], не выдерживает проверки фактами. Вопреки утверждению Е. А. Хелимского, для большинства контекстов, собранных В. Л. Яниным, перевод ‘кочевники’ совершенно неприемлем.

В двух летописных контекстах шестники выступают, по мнению Е. А. Хелимского, в качестве набравшегося из кочевого или полукочевого населения «вспомогательного ополчения, участвовавшего вместе с княжеской дружиной и новгородцами в военных операциях» [Хелимский 1998: 566]. Таким образом трактуется, в частности, самое раннее упоминание шестников в сообщении Новгородской 1-й летописи под 1256 г. о походе Александра Невского на емь:

...пойде с своими полкы князь и с новгородци; и бысть золь путь, акыже не видали ни дни, ни ночи, и многымъ шестникомъ бысть пагуба, а новгородцевъ богъ сблуде [НПЛ: 81, 309].

В действительности ни о каком «вспомогательном ополчении» речь здесь не идет: в окончании фразы, как и в ее начале, упоминаются две категории воинов: княжеская дружина («свои полки» князя, они же шестники) и новгородцы. Ср. построенное по той же схеме известие статьи 1234 г., где место шестников занимают «низовцы» — воины из Низовской земли:

Иде князь Ярослав съ новгородци и съ всѣю областью и с полкы своими на Нѣмци подъ Гюргевъ <...> и възвратишася новгородци сдрави вси, а низовьчъ нѣколико паде [Там же: 73, 283].

Столь же неприемлема указанная трактовка и для известия 1476 г. Псковской 3-й летописи:

Роспѣречишася с людьми людии на княже дворѣ, с пьяными князодворци, и се почаше битися, а сестники почаше ножами колотися, а наши каменемъ от себе битися. И поидоша сестники на весь миръ с ножи на Торгъ, а инья с луки; и почася стрѣлятися, инии ножи колотися; а псковичи же толко протиоу их от себѣ оучали боронитися, кои каменемъ, кои дровом; тако же и самъ князь Ярославъ, пьян же и в пансыри высед, почаль стрѣляти <...> И к вечеру бысть, и князь и сестники поидоше на сени, благовѣрными людьми и доброухотящими оукрощени, какъ князь и сестники и псковичи [ПЛ (2): 204–205].

Ср. начало рассказа о том же событии в Псковской 2-й летописи, из которого недвусмысленно вытекает тождественность «шестников» «княжедворцам»:

...повезе псковитинь съ огорода капусту черес Торгъ мимо княжеи дворъ, и шестникъ, похитивъ силою наручье тое капусты, даде княжому барану, и про то начаша псковичи которатися с шестниками [Там же: 56].

Еще в двух случаях, по мнению Е. А. Хелимского, кочевники-«шестники» упоминаются как жертвы военных экспедиций в Заволочье:

...а за Волокомъ Онѣго и Каргополе повоеваша и пограбиша шестники (Летопись Аврамки, 1447 г. [ПСРЛ (16): 190]).

...и шестники измогоша; и Заволочань посѣкоша и Двинянь иссѣкоша (Новгородская 4-я летопись, 1471 г. [ПСРЛ (4): 447]).

В действительности в обоих контекстах *шестники* — подлежащее: так летописцы называют самих участников северных военных предприятий московских и тверских князей, а не их жертв.

В примерах из Летописи Аврамки под 1456 и 1471 гг. шестники, как считает Е. А. Хелимский [1999: 566], «выступают как союзники татар, видимо, также в роли вспомогательных воинских отрядов; эти кочевники, по своей этнической принадлежности могли быть, вероятно, пермянами или югрой». Из более полных контекстов, однако, совершенно ясно, что шестниками здесь названы «москвичи», т. е. войско великого князя Московского Ивана III:

...и паде ту Москвиць и Татаровъ 50 человекъ; и побѣгоша Москвиць в Русу, а Новгородци поидоша за ними по улицамъ и по дворомъ, а ини шедше с коневъ и почаша снимать и съ шестниковъ и Татаровъ битыхъ ту платье и доспѣхы [ПСРЛ (16): 195].

...а князь великий стоявъ подъ Дьяны, и отступи въ Яжолбици, а со города съ Дьяна убиша 15 человекъ шестниковъ [Там же: 196].

Особый интерес представляет контекст из Новгородской судной грамоты:

А кто с кем пошлется на послуха, ино взять заклад шестнику на сто верст по старине, а подвойским и софьяном, и биричем, и известником на сто верст четыре гривны. А кои истецъ скажет послуха дале ста верст, а похочет и другой истецъ слатся на того послуха: ино слатся на него; а не всхочет другой истецъ слатся дале ста верст, ино поставит ему своего послуха у суда; а срок ему взяти на послуха на сто верст по три недели; а заклад дать виноватому истцю на сто верст шестнику [ПРП (2): 215].

Толкование В. Л. Янина, видящего в шестнике этого текста чужеродного для новгородской округи истца, хорошо вписывается в гипотезу Е. А. Хелимского, однако само по себе не выдерживает критики: шестник явно выступает здесь не в роли истца, а как судебный исполнитель, получающий «заклад» от подателя иска. Статус его проясняет упоминание далее подвойского: в аналогичной по содержанию статье 49 Псковской судной грамоты упоминаются «княжий человек», «подвойский» и «псковитин» [ЗДР (1): 336]; это дает основание считать шестника данного текста административным лицом из княжеского окружения.

Отдельную категорию составляют контексты, в которых слово выступает как характеристика конкретного лица. О новоизбранном владыке Алексее в Комиссионном списке Новгородской 1-й летописи под 1359 г. сказано: «Той же зимы поставленъ бысть Алексеи черницъ въ Тфѣри въ дияконы и попомъ от Федора, епископа тфѣрьскаго». В Академическом списке вместо *въ Тфѣри* читается *шестникъ*, что, скорее всего, является первоначальным чтением [НПЛ: 365]. Другого новгородского архиепископа, Феодосия, новгородцы,

согласно Летописи Аврамки (1423 г.), отрешили от кафедры, говоря: «не хотим шестника владыкою» [ПСРЛ (16): 177]. В. Л. Янин справедливо трактует эти характеристики как указания на чужеродность Алексея и Феодосия Новгороду. Однако считать их новообращенными инородцами, что предлагает Е. А. Хелимский, усматривая в отстранении Феодосия «шовинистическую мотивировку», нет оснований. На действительное происхождение Алексея, возможно, проливает свет указание о поставлении его в дьяконы и попы тверским епископом. В связи с этим представляет интерес не учтенная в сводке В. Л. Янина выходная запись Псковского Евангелия 1463 г., в которой писец называет себя «многогрѣшныи рабъ б(о)жии Борисъ диакъ шестникъ тферитинь» [Гранстрем 1953: 65].

Замечательна для нас и фигура основателя Псково-Печерского монастыря, инока Иоанна, известного церковной традиции как Иоанн Шестник. В повести об основании монастыря о нем говорится следующее:

Сему же обретению печерному в слухи пришедшу в всем граде Пскове некоему же священнику Ивану именем, род же его глаголят быти измлада московския земля, и сего ради зваху его псковичи через имя Шестником, нежданне же ему пришедшу в Псков из немецкия земли от града Юрьева [Малков 1991: 185].

Прямое указание на то, что Иоанн Шестник был по происхождению москвичом, хорошо согласуется с другими уже приведенными данными и заставляет окончательно проститься с гипотезой о кочевом характере обозначавшегося этим термином населения¹.

Что же касается гипотезы В. Л. Янина, видящего в шестниках разного рода пришлых людей, то она, на первый взгляд, не вступает в противоречие с материалом: все названные выше категории лиц и отдельные личности действительно были «пришельцами» в Новгороде и Пскове. Настораживает, однако, избирательность источников, называющих шестниками не всех «пришлых людей», а только две их разновидности. Обобщая сделанные наблюдения, можно сказать, что данное слово употребляется в северо-западных текстах XIII–XV вв. в двух значениях. Шестники — это, во-первых, княжеские вооруженные люди (выполняющие не только военные, но и мелкие административные функции); во-вторых, так могут называться любые выходцы из Москвы, Твери и вообще Низовских земель (ср. указанную выше параллель *шестники* ~ *низовцы* в сообщениях Новгородской 1-й летописи под 1234 и 1256 гг.). Особенно показателен в данном отношении процитиро-

¹ Заметим, что и трактовка «вежников» как кочевников, живущих в вежах-чумах, в pendant к которой предложил свое объяснение Е. А. Хелимский, в настоящее время обоснованно отклонена: как установил И. Ю. Анкудинов [2014] на основе документов XVII в., «вежниками» назывались в Новгороде ильменские рыболовы, объединившиеся в рыбо-ловецкие ватаги — вежи. Теоретически, оставаясь при этимологии слова, предложенной Е. А. Хелимским, шестников, как «княжеских дворян», дворян, можно было бы связать со словом *шест* в значении «двор, очаг», указанным у Даля [1882 (4): 630], сопоставив с таким архаичным термином, как *огнищане*. Однако, не говоря о том, что в данном значении слово письменными источниками не засвидетельствовано, предполагать обозначение им княжеского двора в XIII в., разумеется, не приходится.

ванный выше пассаж из Повести о Псково-Печерском монастыре, из которого видно, что основателя обители прозвали Шестником из-за того, что предки его были москвичи, а вовсе не потому, что сам он пришел из Немецкой земли. Два указанных значения соотносятся как узкое и широкое: низовское происхождение имело в рассматриваемую эпоху большинство новгородских и псковских князей, что позволяло распространить термин, которым обозначались княжеские люди, на низовцев в целом. Эта семантическая двойственность находит яркую типологическую параллель в истории слов *Русь*, *русский*, *русин*, которые, как известно, первоначально также относились к скандинавской по происхождению дружине, а затем были распространены на всю «Русскую землю» и ее население.

Не в пользу гипотезы В. Л. Янина говорит и то, что используемые в псковских и новгородских источниках термины, действительно имеющие значение ‘пришлые люди’, обозначают в них совсем другие категории населения, не относящиеся к княжеским людям. Это хорошо видно из рассказа о походе псковичей на Юрьев в 1463 г., читаемого в Псковской 3-й летописи:

И совокупившия псковичи с пригорожаны и со всеми людьми, и поидоша с воеводоу князя великого и съ их силоу за Великую рѣкоу к Новому городкоу немецкому <...> И выехаша из городка три Немчина и хотѣша ехати с вѣстью къ Юрьеву; и наша погнаша за ними, и надгнавъ москвитинь оудари и по главѣ Немчина саблею <...> А в то время какъ сила была под городком, псковичи на вече посадникоу Дорофею Олферьевичю даша ему воеводство ехати съ охвочим человеком, с моужи псковичи в насадах воевати Немецкой земли; а которое прихожим людем, иноземцомъ, повелѣша псковичи пѣшимъ ити на Немецкую землю, а которое изможныи приходеч, и он себѣ на кони к рати в силуу едет [ПЛ (2): 154].

Фигурирующий в этом рассказе «москвитин» — типичный шестник из войска великого князя; между тем ниже в тексте упоминаются «прихожие люди», «приходцы» — и это вовсе не москвичи, а разного рода иноземцы, во множестве обретавшиеся во Пскове эпохи независимости².

Не менее важно другое. У слов *приходец*, *прихожий* (*человек*), *пришлый* общее для них лексическое значение возникает за счет приставки *при-*. Не содержащее ее слово *шестник*, будь оно действительно произведено от **šьd-t-*, могло бы означать только ‘шествующий, путник, ходок, пешеход’; ср. у Срезневского перевод ‘хожалый’ для примера из Новгородской судной грамоты и ‘пеший воин’ для примера из Новгородской 1-й летописи под 1256 г. Со ссылкой на Срезневского, у которого последнее значение дано со знаком вопроса, оно принято в качестве основного значения слова в исследовании древнерусской военной лексики Ф. П. Сороколетова [2009/1970: 106–107]. Между тем проведенный выше разбор контекстов, в которых фи-

² «Прихожие люди», «пристальцы», «пришлые» нередко упоминаются наряду с шестниками в новгородских писцовых книгах, из чего можно было бы заключить о синонимичности этих терминов. Однако в свете всего уже сказанного шестников писцовых книг безусловно следует рассматривать не в этом ряду, а среди разного рода терминов, указывающих на происхождение человека: *москвитин*, *суздалец*, *духовитин* и т. д.

гурирует наш термин, не позволяет с этим согласиться: вооруженные княжеские люди, находившиеся в Новгороде и Пскове, были явно не пехотинцами. С другой стороны, значение 'пехота' регулярно выражается в текстах этого времени древнерусским словом *пѣшци*.

Еще одно обстоятельство в равной степени противоречит обеим рассматриваемым трактовкам. Гнездо лексем, образованных от основы *шьст-* (*шьстие*, *шьстовати*, *шьстьнь*), будучи хорошо засвидетельствовано в старославянском, представлено на восточнославянской почве исключительно в памятниках, восходящих к древнеболгарским оригиналам. Книжную окраску имеют и этимологически вторичные варианты *шьствие*, *шьствовати*. Между тем слово *шествник* принадлежит совершенно иному языковому пласту: как справедливо отмечает Ф. П. Сороколетов, оно является псковско-новгородским диалектизмом³.

* * *

Отклонив две обсуждавшиеся в литературе этимологии слова *шествник*, рискуем поддержать третью, связывающую этот термин с числительным *шесть*. Хотя предполагающее такую связь толкование Л. В. Черепнина [1969: 233] («крестьянин-издольщик, работающий из шестого снопа») является безусловно ошибочным, его этимологическая составляющая представляется перспективной.

Ближайшую параллель к «шестьнику», если считать этот термин образованным от числительного, составляет «осьмник» (*осьмникъ*). Значение этого слова само по себе составляет проблему; попытка ее решения была предпринята в работе [Гиппиус 2005]. Поскольку традиционное понимание осьмников (в исторической литературе обычно именуемых «осменниками») как сборщиков торговой пошлины, *осьмничего*, не объясняет происхождения термина (очевидно, что не осьмники получили свое название от осьмничьего, а наоборот, осьмничье — от собиравших его осьмников), мы высказали предположение, что первоначально данный термин имел значение того же типа, что и другие лексемы, образованные от числительных при помощи суффикса *-никъ* (*десятник*, *пятидесятник*, *сотник*), называя начальника воинского подразделения из восьми человек (т. е. имеющего в своем подчинении семерых). В специальной литературе по военной истории Древней Руси вопрос о подразделениях такого ранга не рассматривается из-за отсутствия данных⁴. Однако естественно думать, что и на этом низшем уровне древнерусское войско было каким-то образом структурировано. В этом отношении весьма важным свидетельством оказывается новгородская берестяная гра-

³ В качестве параллели к слову *шествникъ*, трактуемому как название пешего воина, Ф. П. Сороколетов [2009/1970: 107] приводит специальные обозначения конных воинов: *снзунникъ* и *фаревникъ*. Но последние представляют собой сугубо книжные лексемы: из оригинальных памятников их знает только Галицкая летопись, известная литературной вычурностью своего стиля.

⁴ Встречающиеся в литературе упоминания о «копье» как мелкой тактической единице древнерусского войска [Рыбаков 1951: 404; Кирпичников 1976: 12], беспочвенны: в летописном известии 1072 г., на которое они опираются («бы^с же оу поганы^с 9 соть копии, а оу Руси деваносто копии» [ПСРЛ (1): 360, 6778; ср. ПСРЛ (2): 558, 6780]), под «копьем» явно имеется в виду отдельный воин, вооруженный копьем, см.: [СДРЯ (4): 262].

мота № 724 (середина XII в.), упоминающая в связи с военным столкновением на северной периферии Новгородской земли «восьмерку» Тудора («и осьмь высягла, что о Тудоре»). Мы видим в этом подтверждение существования в Древней Руси системы дробного членения войска, имеющей в своем основании число 7 (модель «7 + 1»). Осьмники составляли, очевидно, костяк княжеской дружины, ее «младший офицерский состав»; именно в этом качестве они, по-видимому, упоминаются в «Уставе о мостех» князя Ярослава, составленном, по всей вероятности, в конце XII в.⁵

Шестники могли первоначально выполнять аналогичную роль в другой схеме построения войска, основу которой составляла не семерка, а пятерка (модель «5 + 1»). В таком случае нужно предположить, что пятеричный принцип организации был принят в дружинах приходивших в Новгород низовских князей, являясь той чертой, которая в глазах местного населения маркировала пришельцев как чужаков. Наиболее яркое выражение этот принцип находил в существовании прослойки шестников, выполнявших, помимо военных, также разного рода административные функции и бывших в силу этого постоянно на виду у местного населения. Такой шестник — владимирец, тверитин или москвич — был с точки зрения новгородца типичным низовцем, что делало закрепление этого термина в качестве общего обозначения выходцев из Низовских земель закономерным.

К сожалению, подтвердить фактами исходное звено этой гипотезы мы не в состоянии: в отличие от восьмерки, шестерка как дружинное подразделение в источниках прямо не проявляется. Но нельзя не заметить, что в двух летописных контекстах, где называется число отроков, находящихся при князе или боярине, это число оказывается кратным шести. В Повести временных лет под 1071 г. Няя Вышатича, выступающего навстречу волхвам, сопровождают 12 отроков: «и блста 12 отрока с нимь» [ПСРЛ (2): 165]. Согласно Галицкой летописи, Даниил Романович после изъятия ему галицкого бояря остается с восемнадцатью верными отроками («Самому же Данилоу созвавшоу вѣче вставышоуса въ 18 втрокъ вѣрнихъ...») [Там же: 763]). Подчеркнем, что этими примерами круг таких контекстов исчерпывается. Не исключено, впрочем, что искомое подразделение непосредственно упоминается в берестяной грамоте № 855 середины XII в., в которой имеется фраза: «а Нежатиничи отроки били шьсть ихъ». Числительное *шесть* здесь может быть отнесено не только к избитым (что передает перевод А. А. Зализняка: «Нежатиничевы отроки били их шестерых»), но и к избившим: «Отроки Нежаты избили их вшестером»⁶.

⁵ В [Гиппиус 1997] как отражение семеричного построения древнерусской дружины рассматривалась также берестяная грамота № 384 (XII в.), в которой мы видели запись о снаряжении отряда из 28 человек. В настоящее время текст грамоты читается иначе, без выделения числа 28, см.: [Зализняк 2004: 358; Петрухин 2021]. В той же работе мы предложили трактовать загадочное слово *семьца*, дважды употребленное в «Поучении» Владимира Мономаха, как название рядового дружинника, определяющее его как «одного из семи». Но для этого слова конкурентоспособным остается объяснение А. И. Соболевского [1922], видящего в нем производное от *сѣм-* (ср. *сѣмья*, *сѣминь*) со значением «младший член семьи, слуга».

⁶ Обоснование трактовки *Нежатиничи отроки* как «отроки Нежаты» см. в [Гиппиус 2019: 53].

Выразительные примеры членения групп вооруженных людей по шестеро содержат скандинавские саги. Так, в эпизоде Саги об Эгиле, рассказывающем о столкновении Эгиля с Рёгнвальдом, о последнем сказано: «У Рёгнвальда, сына конунга, была быстроходная лодка на шесть пар гребцов. <...> Их всего было двенадцать человек». Об Эгиле же и его людях сказано, что всего их было на корабле 30 человек. «Двенадцать человек Эгиль оставил охранять корабль, а сам поехал на лодке, которая у них была, и с ним семнадцать человек». Высадившись на берег, Эгиль один отправляется искать приключений. Когда он возвращался, «одиннадцать из его товарищей вышли ему навстречу. Шестеро же в это время охраняли лодку» [Исландские саги 1999: 141].

Реальность моделей «7 + 1» и «5 + 1» как способов внутреннего членения войска можно проиллюстрировать и примерами из древних авторов. В древнерусском переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия читаем следующий рассказ о военной хитрости, примененной Иосифом при осаде Тивериады:

И помысли, да лестию принять отступившая. И собра 200 лодѣи и всажь по три гребци, и скоро гна к Тивириадѣ. И постави лодия далече края, яко дрѣво видѣти. А самъ с семью гребецъ приближися к стѣнамъ, и гражане видѣвше, ужасошася, мняще яко вся лодия сполнена суть вои <...> И тако тощами лодиями и семью гребецъ и взя град Тивириаду [Мещерский 1958: 290–291].

Из описания следует, что полностью укомплектованная ладья вмещала семь воинов-гребцов и одного начальника-кормчего, т. е. описывалась формулой «7 + 1».

Классической иллюстрацией схемы «5 + 1» может служить членение персидского войска, каким его описывает Ксенофонт в «Киропедии». См. следующий комментарий:

Пемпадарх — начальник пятерки (пемпады), декадарх — начальник десятки (декады). Собственно говоря, низшее подразделение состояло из 6 человек — пяти рядовых и одного командира, и поэтому вместо пемпадарха Ксенофонт иногда употребляет другое слово — гексадарх, т. е. начальник шестерки [Ксенофонт 1977: 293–294].

Древнерусский «гексадарх» — шестник, имевший под своим началом пятерых, и осьмник, командовавший семью, — представляются нам, таким образом, фигурами, выполнявшими аналогичные функции в двух существовавших на Руси формах структурирования воинских коллективов⁷. Появление шестников на страницах Новгородской летописи лишь в середине XIII в. может быть связано с тем, что соответствующая форма организа-

⁷ Отдельно заметим, что десятичный принцип организации стрелецкого войска Московской Руси был, по-видимому, заимствован от татаро-монголов. Экстраполяция его в древность на основании упоминания десятских и сотских в Повести временных лет (под 988 г.) не имеет под собой достаточных оснований, поскольку данное сообщение отражает введенную русскими князьями систему организации гражданского населения, а отнюдь не войска (см.: [Кучкин 2004: 250–251]).

ции княжеского войска выдвинулась на первый план в эпоху, когда древняя разношерстная дружинная организация, перерождаясь, уступала место основанному на более четкой социальной дифференциации княжескому двору (см.: [Назаров 1978: 119–123; Стефанович 2012: 257–258]). Если по данной модели действительно строились полки низовских князей (что мы предположили выше), то их младший командный состав — шестники — должны были, с точки зрения новгородцев, воплощать в себе этот чуждый порядок. Именно здесь, как можно думать, кроется причина последующего расширения значения слова, превратившегося со временем в общее обозначение выходцев из Низовской земли.

Как уже было сказано, механизм такого расширения — в той его части, которая заключается в перенесении обозначения воинского контингента на этническую группу, — находит параллель в истории слова *Русь*. То, что в истории слова *шестники* такой переход имел место (не приведя, однако, к забвению первого значения), представляется нам несомненным. Более проблематичным в нашем объяснении является предполагаемое перенесение названия предводителя «шестерки» на организованное таким образом войско в целом. Сознвая это, мы склонны рассматривать две части нашей гипотезы как относительно независимые друг от друга.

Заканчивая, укажем на летописный контекст, в котором можно увидеть косвенное отражение того, что по крайней мере на позднем этапе бытования термина он мог соотноситься с числительным *шесть*. Мы имеем в виду знаменитый пассаж статьи 7018 (1510) г. Псковской 3-й летописи, завершающий рассказ об уничтожении Василием III независимости Пскова. Протест против новых московских порядков летописец выражает, цитируя Толковый Апокалипсис:

Занеже написано Пакалисепи глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бе пришел (еще не пришел. — *А. Г.*); шестое бо царство именует в Руси Скивскаго острова; си бо именует шестый, и седьмы по том еще, а осмый антихрист.

В цитируемом тексте шестым названо царство, в которое писал евангелист Иоанн, а слова «не оу бо бѣаше пришло» относятся к седьмому царству (РНБ. Ф. 256. № 8. Л. 71 об.). отождествляя Василия III именно с шестым царем и подчеркивая это повторением числа, летописец вряд ли имел в виду число зверя-Антихриста, прямо соотносимое в Откровении с восьмым царем. Присутствующая в тексте пародийная отсылка к писаниям старца Филофея о третьем Риме, отмеченная А. А. Шахматовым [1899: 114], придает пассажи полемическое звучание: Москва — не третий Рим, а шестое царство Апокалипсиса. Но это отождествление приобретает еще и социально-политическую мотивировку, если принять во внимание, что наступившее царство было в глазах псковского летописца «царством шестников», как шестником был для него и сам великий князь московский.

Источники

- ЗДР (1) — Законодательство Древней Руси. Т. 1 / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984.
- Исландские саги 1999 — Исландские саги: В 2 т. / Под общ. ред. О. А. Смирницкой. Т. 1. СПб.: Ж-л «Нева»; Летний сад, 1999.
- Ксенофонт — *Ксенофонт*. Киропедия / Изд. подгот. В. Г. Бороухович, Э. Д. Фролов. М.: Наука, 1977.
- Мещерский 1958 — *Мещерский Н. М.* «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
- ПЛ — Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Н. Насонов. Вып. 1–2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941–1955.
- ППП (2) — Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / Сост. А. А. Зимин; Под ред. С. В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1–43. СПб. / Пг./Л.: М.: Тип. Э. Праца; и др., 1841–2004.

Словари

- Даль 1882 (4) — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 4. М.; СПб., Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882.
- Кочин 1937 — Материалы для терминологического словаря Древней России / Сост. Г. Е. Кочин. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1937.
- СДРЯ (4) — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 4 / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1991.
- Срезневский 1893–1903 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1903.

Литература

- Анкудинов 2014 — *Анкудинов И. Ю.* «Вежники» новгородских берестяных грамот № 550 и 664 // Новгородский архивный вестник. Вып. 12. 2014. С. 3–5.
- Быков 2006 — *Быков А. В.* Новгородское войско XI–XV веков: Дис. ... канд. ист. наук / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2006.
- Васильев 2012 — *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Гиппиус 1997 — *Гиппиус А. А.* «Вожжей оленьих 28...» // Живая старина. 1997. № 3. С. 21–23.
- Гиппиус 2005 — *Гиппиус А. А.* К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. 2005. № 4. С. 9–24.
- Гиппиус 2019 — *Гиппиус А. А.* Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 47–71.
- Гранстрем 1953 — *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]. Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Л.: [Гос. публич. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина], 1953.

- Кирпичников 1976 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1966.
- Кучкин 2004 — *Кучкин В. А.* Десятские средневековой Руси // *Средневековая Русь*. [Вып.] 4 / Отв. ред. А. А. Горский. М.: Индрик, 2004. С. 171–251.
- Малков 1991 — *Малков Ю. Г.* Повесть о Псково-Печерском монастыре. (К истории сложения свода монастырских сказаний) // *Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования* / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб.: Наука, 1991. С. 163–199.
- Назаров 1978 — *Назаров В. Д.* Двор и дворяне по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // *Восточная Европа в древности и средневековье*: Сб. ст. / [Отв. ред. Л. В. Черепнин]. М.: Наука, 1978. С. 104–123.
- НГБ (4) — *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
- НГБ (8) — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука, 1986.
- Петрухин 2021 — *Петрухин В. Я.* Письмо Стойнега к матери (К переводу новгородской берестяной грамоты № 384) // *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности*: Сб. ст. к 70-летию академика А. М. Молдована / Ред. А. А. Пичхадзе и др. СПб.; М.: Нестор-История, 2021. С. 403–412.
- Рыбаков 1951 — *Рыбаков Б. А.* Военное дело (стратегия и тактика) // *История культуры Древней Руси* / Под ред. Б. Д. Грекова, М. И. Артамонова. Т. 1. М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 397–416.
- Соболевский 1922 — *Соболевский А. И.* Семца, сябр, шебер // *Ученые записки Высшей школы г. Одессы*. Отд. гуманитарно-общественных наук. Т. 2. Одесса: Изд. Одесского губерн. комитета специально-науч. и проф.-тех. образования, 1922. С. 61–62.
- Сороколетов 2009/1970 — *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). 2-е изд. М.: УРСС, 2009. [1-е изд.: 1970].
- Стефанович 2012 — *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XII вв. М.: Индрик, 2012.
- Хелимский 1998 — *Хелимский Е. А.* К интерпретации древнерусских текстов: 1. *нарцы*; 2. *шестники* // *Балто-славянские исследования 1997* / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Индрик, 1998. С. 563–569.
- Черепнин 1969 — *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.
- Шахматов 1899 — *Шахматов А. А.* К вопросу о происхождении Хронографа. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899.
- Шилов 2010 — *Шилов А. Л.* Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // *Вопросы ономастики*. 2010. № 1 (8). С. 33–54.

Сокращения

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

References

- Ankudinov, I. Iu. (2014). “Vezhniki” novgorodskikh berestianykh gramot № 550 i 664 [“Vezhniki” of Novgorod birchbark letters No. 550 and 664]. *Novgorodskii arkhivnyi vestnik*, 12, 3–5. (In Russian).
- Artsikhovskii, A. V., & Borkovskii, V. I. (1958). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1955 g.)* [Novgorod documents on birch bark (from 1955 excavations)]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).

- Bykov, A. V. (2006). *Novgorodskoe voisko XI–XV vekov* [Novgorod army of the 11th–15th centuries] (Cand. Sci. (History) Dissertation, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University). (In Russian).
- Cherepnin, L. V. (1969). *Novgorodskie berestiane gramoty kak istoricheskii istochnik* [Novgorod birchbark letters as a historical source]. Nauka. (In Russian).
- Gippius, A. A. (1997). “Vozhzhiei olen’ikh 28...” [“28 reindeer reins...”]. *Zhivaia starina*, 1997(3), 21–23. (In Russian).
- Gippius, A. A. (2005). K izucheniiu kniazheskikh ustavov Velikogo Novgoroda: “Ustav kniazia Iaroslava o mostekh” [On the study of the princely statutes of Veliky Novgorod: “Statute of Prince Yaroslav about bridges”]. *Slavianovedenie*, 2005(4), 9–24. (In Russian).
- Gippius, A. A. (2019). Berestiane gramot iz raskopok 2018 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe [Birchbark documents from 2018 excavations in Veliky Novgorod and Staraya Rus-sa]. *Voprosy jazykoznanija*, 2019(4), 47–71. (In Russian).
- Granstrem, E. E. (1953). *Opisanie russkikh i slavianskikh pergamentnykh rukopisei. Rukopisi russkie, bolgarskie, moldovlakhiskie, serbskie* [Description of Russian and Slavic parchment manuscripts. Russian, Bulgarian, Moldovan-Wallachian and Serbian manuscripts]. [M. E. Saltykov-Shchedrin State Public Library]. (In Russian).
- Ianin, V. L., & Zalizniak, A. A. (1986). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). Kommentarii i slovoukazatel’ k berestianym gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.)* [Novgorod documents on birch bark (from 1984–1989 excavations). Commentary and word index to birchbark documents (from 1951–1983 excavations)]. Nauka. (In Russian).
- Ianin, V. L., & Zalizniak, A. A. (1993). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)* [Novgorod documents on birch bark (from 1984 —1989 excavations)]. Nauka. (In Russian).
- Khelimskii, E. A. (1998). K interpretatsii drevnerusskikh tekstov: 1. *nartsy*; 2. *shestniki* [Towards interpretation of ancient Russian texts: 1) *nartsy*, 2) *shestniki*]. In Viach. Vs. Ivanov (Ed.). *Balto-slavianskie issledovaniia 1997* (pp. 563–569). Indrik. (In Russian).
- Kirpichnikov, A. N. (1966). *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv.* [Military science in Rus’ in the 13th–15th centuries]. Nauka. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. (2004). Desiatskie srednevekovoi Rusi [Rural policemen of Medieval Rus]. In A. A. Gorskii (Ed.). *Srednevekovaia Rus’* (Vol. 4, pp. 171–251). Indrik. (In Russian).
- Malkov, Iu. G. (1001). *Povest’ o Pskovo-Pecherskom monastyre. (K istorii slozheniia svoda monastyrskikh skazanii)* [The tale of the Pskov-Pechersky monastery (Towards the history of the compilation of the collection of monastic legends)]. In D. S. Likhachev (Ed.). *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. XI–XVI vv.: Raznye aspekty issledovaniia* (pp. 163–199). Nauka. (In Russian).
- Nazarov, V. D. (1978). Dvor i dvoriane po dannym Novgorodskogo i Severo-Vostochnogo letopisaniia [Court and courtiers according to the Novgorod and North-Eastern Russian chronicles]. In L. V. Cherepnin (Ed.). *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov’e: Sbornik statei* (pp. 104–123). Nauka. (In Russian).
- Petrukhin, V. Ia. (2021). Pis’mo Stoinega k materi (K perevodu novgorodskoi berestiano gramoty № 384) [Letter from Stoineg to his mother (On the translation of the Novgorod birchbark letter No. 384)]. In A. A. Pichkhadze et al. (Eds.). *Slova, konstruktzii i teksty v istorii russkoi pis’mennosti: Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana* (pp. 403–412). Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Rybakov, B. A. (1951). Voennoe delo (strategiia i taktika) [Military science (strategy and tactics)]. In B. D. Grekov, & M. I. Artamonov (Eds.). *Istoriia kul’tury Drevnei Rusi* (Vol. 1, pp. 397–416). Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Shakhmatov, A. A. (1899). *K voprosu o proiskhozhdenii Khronografa* [On the question of the origin of the Chronograph]. Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian).

- Shilov, A. L. (2010). Etnonimy i neslavianskie antroponimy berestianykh gramot [Ethnonyms and non-Slavic anthroponyms in birchbark letters]. *Voprosy onomastiki*, 2010(1(8)), 33–54. (In Russian).
- Sobolevskii, A. I. (1922). Semtsa, siabr, sheber [*Semtsa, syabr, shaber*]. In *Uchenye zapiski Vysheĭ shkoly g. Odessa. Otdelenie gumanitarno-obshchestvennykh nauk* (Vol. 2, pp. 61–62). Izdanie Odesskogo gubernskogo komiteta spetsial'no-nauchnogo i professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniia. (In Russian).
- Sorokoletov, F. P. (2009). *Istoriia voennoi leksiki v russkom iazyke (XI–XVII vv.)* [History of military lexicon in the Russian language (11th–17th cc.)] (2nd ed.). URSS. (In Russian).
- Stefanovich, P. S. (2012). *Boiare, otroki, družiny: voenno-politicheskaia elita Rusi v X–XII vv.* [Boyars, youths, retinues: the military-political elite of Rus' in the 10th–12th centuries]. Indrik. (In Russian).
- Vasil'ev, V. L. (2012). *Slavianskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. (In Russian).
- Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialect* [Old Novgorod dialect] (2nd ed.). Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Алексей Алексеевич Гиппиус

*доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН
ведущий научный сотрудник, лаборатория
лингвосомиотических исследований,
Школа филологических наук, факультет
гуманитарных наук, Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая
Басманная ул., д. 21/4
Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22161
ведущий научный сотрудник, Лаборатория
древнерусской культуры, Школа
актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского,
д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ agippius@mail.ru*

Aleksei A. Gippius

*Dr. Sci. (Philology), Correspondent Member
of the Russian Academy of Sciences
Leading Research Fellow, Laboratory
of Linguo-Semiotic Studies, School
of Philological Studies, Faculty
of Humanities, National Research University
Higher School of Economics
105066, Moscow, Staraya Basmannaya Str.,
21/4
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4
Tel.: +7 (495) 772-95-90 *22161
Leading Research Fellow, Laboratory
of Medieval Russian Culture, School
for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ agippius@mail.ru*